

Хэ Наньфэн, скрепя сердце, просидел в главном зале вместе с распорядителем Ваном весь вечер. Ноги его уже затекли и дрожали, но он не смел уйти и оставить без внимания доверенное лицо императора, прибывшее с указом.

В душе он осыпал проклятиями своего старшего сына: надо же было этому негоднику уехать именно сейчас! И чего он потащился в пустующее старое поместье в Фаньяне?

Поэтому, когда Хэ Наньфэн наконец увидел входящего в двери старшего сына, его первым порывом было наорать на него и спросить, где того черти носили.

Однако, вспомнив о присутствии распорядителя Вана, он подавил гнев и лишь нахмурился:

— Где ты был? Заставил почтенного начальника ждать столько времени. Столь вопиющая небрежность! Живо проси прощения!

Хэ Гу не успел и рта раскрыть, как Ван Чжунлу тут же поднялся с кресла, поспешно отмахиваясь:

— Ну что вы, хоу, к чему такие слова? Я лишь немного подождал, сидел с комфортом, совсем не устал. К тому же у вас отменный чай «Цзиньдин Чунь», да и ваша компания скрасила ожидание. О каком пренебрежении может идти речь? — он улыбнулся и добавил: — Что же до извинений молодого хоу... я ныне не смею их принимать. Если приму — это лишь укоротит мой век.

С этими словами он повернулся к Хэ Гу, достал из-за пазухи светло-желтый свиток и произнес:

— Господа, принимайте указ.

Намек Ван Чжунлу был предельно ясен. Хэ Гу сглотнул и опустился на колени вслед за отцом. Голос евнуха звучал ровно и мирно, без той пронзительной тонкости, что присуща многим его коллегам; слова были четкими, звонкими и полными силы.

Это действительно был указ о помолвке со Старшей принцессой!

Пока распорядитель торжественно зачитывал текст, сердце юного Хэ Гу готово было выпрыгнуть из груди от радости. Лишь в самом конце он немного опешил.

Двадцать пятое число шестого месяца... Это же всего через десять дней?

Так скоро?

Тем временем Ван Чжунлу свернул свиток и улыбнулся:

— Молодой хоу, примите указ.

Хэ Гу опомнился, поспешно поблагодарил за милость, поднялся и принял документ.

Лицо распорядителя вновь приняло благодушное выражение. Он подошел к отцу и сыну и негромко произнес:

— Указ Его Величества я передал. Но есть еще кое-что, о чем государь не писал на бумаге. Я же, набравшись наглости, позволю себе напомнить об этом, чтобы господин хоу понимал ситуацию и знал, как поступить в будущем.

Хэ Наньфэн про себя отметил, что Ван Чжунлу не зря долгие годы служит императору — его речь была безупречно выверенной. Вслух же он с улыбкой спросил:

— О? О чем же речь? Прошу почтенного наставника просветить меня.

Ван Чжунлу понизил голос:

— По правилам, после свадьбы семья фума должна в полном составе переехать в резиденцию принцессы — и хоу, и госпожа супруга. Однако недавно императрица виделась с государем, и Его Величество изменил решение. Он отменил приказ о переезде всей семьи. Резиденция принцессы дарована только Её Высочеству и молодому хоу для уединенного проживания...

— Господин хоу, понимаете ли вы, почему так решено? — Ван Чжунлу многозначительно улыбнулся.

Хэ Наньфэн замер. В голове мгновенно всплыла догадка: неужели до государя дошли слухи о выходках Вань Шуэр?

Распорядитель счел, что намек достаточно. Он сложил руки в приветственном жесте:

— В семейные дела я не лезу. Указ доставлен, теперь молодому хоу остается лишь ждать благодатного дня.

Не слушая уговоров остаться, он легкой походкой удалился.

Хэ Гу, стоявший рядом, тоже уловил суть. Девять из десяти, что «подвиги» Вань Шуэр достигли императорских ушей, и государь не пожелал, чтобы Старшей принцессе пришлось уживаться с такой свекровью. Сейчас это был явный щелчок по носу старому Хэ: мол, наведи порядок в доме.

Однако Хэ Гу знал, как сильно отец любит Вань Шуэр. Даже после того как он ударил её при сыне и отчитал, за три месяца дело не сдвинулось. Она всё так же оставалась законной супругой хоу, разве что сидела под домашним арестом во внутреннем дворе.

Огонек надежды на отца, вспыхнувший в Хэ Гу после перерождения, окончательно угас. Хэ Наньфэн остался прежним: на словах грозен, а на деле не в силах расстаться с любимицей.

Впрочем, Хэ Гу было скорее любопытно: прикинется ли отец дурачком или всё же решится «отрезать больное место»? Но это было лишь легкое любопытство. В прошлой жизни он бы с замиранием сердца ждал расплаты для этой женщины, но сейчас ему было безразлично, жива она или мертва.

Приданое матери он вернул, а недостающее Хэ Наньфэн возместил из казны поместья.

Когда няня Цюй узнала об этом, она долго ворчала:

— Господин мой, ну как вы можете быть таким нетребовательным? Она растранила приданое госпожи, а хоу возмещает его из запасов поместья? Но ведь всё поместье в будущем должно принадлежать вам! Получается, стригут ту же овцу, убыток несете вы, а она продолжает сладко есть и мягко спать! Просто зла не хватает!

Хэ Гу лишь лениво ухмыльнулся:

— Пустое. Главное, что сейчас она притихла и не может строить козни. Я не хочу тратить

время на счеты с женщиной. На этом и закончим.

Десять дней — срок и долгий, и короткий.

Перед самой свадьбой император сменил титул дочери с «Циньюй» на «Цинго» (Великая принцесса государства), даровав ей доходы и привилегии наравне с удельными принцами. Это было знаком высочайшей любви.

Хэ Гу же перед торжеством успел сделать два дела.

Во-первых, он устроил Янь Чжия в небольшом купленном дворике. Пока он не решался представить её семье Янь — боялся, что те не доверят лечение дяди незамужней девице. Он решил дожидаться окончания свадебных торжеств и выбрать подходящий момент.

Во-вторых, за три дня до свадьбы он взял Чжэнъе и спозаранку отправился в храм Гуаньинь в пригороде.

В окрестностях столицы было два знаменитых храма: храм Матушки Сонцзы (дарующий детей) на горе Чанлу и храм Гуаньинь у озера Гуантин. Хоть один был даосским, а другой буддийским, Хэ Гу верил обоим. Для него любой небожитель, готовый присмотреть за его делами, был достоин щедрых подношений.

Он пришел просить. Как говорят, «мужчины поклоняются Гуаньинь, женщины — Будде». В прохладном зале перед золотым изваянием Бодхисаттвы Милосердия на душе стало спокойнее. Хэ Гу трижды коснулся лбом земли на молитвенном коврике, а затем, сложив ладони, обратился к статуе:

«Великая Гуаньинь, если я стою здесь сейчас, то лишь потому, что ты смилостивилась над моей ранней и нелепой смертью в прошлой жизни. Говорят, мертвые не возвращаются, но я живу второй раз. Удача и так велика, грех просить большего... Но в прошлой жизни я был бобылем до тридцати лет, так и не узнав, каково это — делить путь с любимым человеком. Теперь мне выпала честь взять её в жены. Прошу лишь об одном: пусть мои близкие будут здоровы и живут долго. И... если бы мы с сестрицей Юй-эр могли состариться вместе в любви и согласии — это было бы пределом мечтаний. Если так случится, обещаю каждые три года приходить сюда и обновлять позолоту на твоём лице».

Закончив «разговор» с божеством, он воткнул курящиеся благовония в чашу и вышел.

У храма был чудный вид: зелень гор, блеск озера... Вдруг он услышал крик:

— Освященные амулеты! По дешевке! Пятьдесят лянов за штуку! Убережет от трех великих бед! Не проходите мимо!

Хэ Гу обернулся. У лотка стоял желтолицый даос. Хэ Гу стало смешно: продавать даосские обереги у ворот буддийского храма — это надо иметь наглость! Видимо, монахи тут совсем миролюбивые.

Он подошел к лотку, желая спросить, с чего такая цена, но даос вдруг вскинул пальцы и указал на него:

— О, юный господин! Твоя судьба благородна превыше слов!

Хэ Гу и Чжэнъе переглянулись. Опять эти шарлатанские замашки? По его шелковым одеждам

и дурак поймет, что он не беден.

Но даос покачал головой и погладил бороду:

— Вторую жизнь получить крайне трудно, стоит ею дорожить.

Хэ Гу замер. Его прошиб холодный пот.

Чжэнъе же возмутился:

— Ты чего несешь, монах? Мой господин жив-здоров, какая еще вторая жизнь? Тьфу, накликаешь беду!

Даос оскорбился:

— Думаешь, я, Великий Бессмертный Трех Гор, лгу? Твой господин рожден с судьбой героя смутного времени, коих раз в столетие встречаешь. Но рожден он в эпоху мира! Жизненных сил не хватило бы снести такую судьбу — ему было суждено умереть молодым!

— Да ты... — Чжэнъе был в ярости от таких пророчеств.

Хэ Гу придержал слугу и серьезно спросил:

— Если так, скажи, откуда взялась эта вторая жизнь?

Даос фыркнул, довольный вниманием:

— Тебе повезло. Истинный Дракон помог. Он удержал твои души, не дал забрать их стражам преисподней, а затем с помощью великого артефакта повернул время вспять. Великое деяние, невероятная жертва! Тот Дракон ради твоего спасения лишился части своего величия. Боюсь, теперь ему не суждено вознестись в полной силе.

Хэ Гу оцепенел. Чжэнъе уже кричал:

— Проходимец! Кого ты лечишь? Если еще раз проклянешь хозяина, в управу сдам!

Хэ Гу покачал головой и улыбнулся. Наверняка шарлатан просто попал пальцем в небо. Бредни про Дракона и вовсе не лезли ни в какие ворота.

В прошлой жизни, даже если бы кто-то и мог спасти его, это точно не был бы Наследник Пэй Чжаоюань. Уж кто-кто, а тот сам приложил руку к его гибели. Чтобы эгоистичный Чжаоюань пожертвовал собой ради другого? Невозможно.

«Ловко он меня напугал», — подумал Хэ Гу.

— Великий бессмертный, ты и впрямь прозорлив, — усмехнулся он. — Раз так, дай мне один амулет... Впрочем, ладно! Забираю всё!

<http://bllate.org/book/15879/1617731>